

ЯЗЫКИ НАРОДОВ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН (С УКАЗАНИЕМ КОНКРЕТНОГО ЯЗЫКА ИЛИ ГРУППЫ ЯЗЫКОВ)/LANGUAGES OF PEOPLES OF FOREIGN COUNTRIES (INDICATING A SPECIFIC LANGUAGE OR GROUP OF LANGUAGES)

DOI: <https://doi.org/10.60797/RULB.2026.78.8> EDN: QWCSIV

ФРАЗЕООБРАЗУЮЩИЙ ПОТЕНЦИАЛ НАИМЕНОВАНИЙ ОРУДИЙ ТРУДА В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Научная статья

Прокопьева Н.Н.^{1,*}, Зинцова Ю.Н.²

¹ ORCID : 0000-0001-7043-016X;

² ORCID : 0000-0002-6563-9791;

^{1,2} Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (pro-nadja[at]yandex.ru)

Предложена: 11.04.2026; Принята: 19.05.2026; Опубликовано: 09.06.2026

Аннотация

Статья посвящена изучению семантики немецких фразеологических единиц, в состав которых входит наименование орудия труда, с целью выявления роли данных лексем в процессе фразеобразования. Исходным тезисом исследования является постулат о том, что семантическая цельность фразеологизма не противоречит возможности рассмотрения семантики отдельных компонентов в его составе, имеющих ключевое значение в организации его внутренней формы. В результате анализа ста идиом, содержащих наименование орудия труда, были установлены семантические признаки данных лексем, актуализируемые в процессе формирования фразеологического значения и выступающие в качестве мотивировочного признака. В абсолютном большинстве рассматриваемых фразеологических единиц существенным компонентом внутренней формы является архисема «инструмент», при этом дополнительным признаком, определяющим актуальное значение фраземы, является вариативный признак «использовать по назначению/не по назначению».

Ключевые слова: фразеологизм, орудие труда, фразеологическое значение, внутренняя форма, мотивировочный признак.

THE PHRASE-FORMING POTENTIAL OF THE NAMES OF INSTRUMENTS OF LABOUR IN GERMAN

Research article

Prokopyeva N.N.^{1,*}, Zintsova Y.N.²

¹ ORCID : 0000-0001-7043-016X;

² ORCID : 0000-0002-6563-9791;

^{1,2} Linguistics University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation

* Corresponding author (pro-nadja[at]yandex.ru)

Suggested: 11.04.2026; Accepted: 19.05.2026; Published: 09.06.2026

Abstract

The article studies the semantics of German phraseological units that include the name of an instrument of labour, in order to identify the role of these lexemes in the process of phrase formation. The initial thesis of the research is the postulate that the semantic integrity of an idiom does not preclude the possibility of examining the semantics of individual components within it that are of key importance in the organisation of its internal form. An analysis of one hundred idioms containing the name of a labour tool established the semantic features of these lexemes, which are actualised in the process of forming the phraseological meaning and act as a motivating trait. In the vast majority of the examined phraseological units, the essential component of the internal form is the archiseme "instrument"; meanwhile, the additional feature determining the actual meaning of the phrase is the variable characteristic "use as intended/not as intended".

Keywords: phraseological unit, instrument of labour, phraseological meaning, internal form, motivating trait.

Введение

Фразеологические единицы различных языков на протяжении многих десятилетий остаются предметом изучения лингвистов, стремящихся познать и объяснить лингвистическую и экстралингвистическую природу фразеогенезиса, то есть возникновения этих языковых единиц, отличающихся лингвокультурным, семантическим и прагматическим своеобразием. Одним из ключевых вопросов остается вопрос фразеосемиозиса, под которым понимается процесс формирования фразеологического значения на основе внутренней формы фразеологизма. Наличие взаимосвязи между внутренней формой устойчивого словосочетания и его актуальным (т.е. фразеологическим) значением как результатом семантического преобразования исходного переменного словесного комплекса является одной из опорных точек при изучении семантического аспекта фразеологии, поскольку «внутренняя форма семантически организует процесс фразеобразования, она является по сути дела способом организации идиоматического значения, внутренним образом, она дает начало мотивации значения идиом, ... выполняет системно-организующую функцию» [10, С. 3]. О.А. Кознова, исследуя роль внутренней формы в процессе формирования фразеологического значения, также обращает

внимание на наличие связи между внутренней формой, мотивированностью, этимологическим образом и сознанием: «Мотивированность — это структурно-семантическое свойство фраземы, а внутренняя форма — это компонент ее формально-содержательной структуры, выражающей это свойство» [12]. Исследователь подчеркивает лингвокогнитивную сущность внутренней формы, называя ее мостиком между когнитивной и языковой плоскостями: «Внутренняя форма высветляет в нашем языковом сознании важный, значимый для данной речевой ситуации денотативный признак, она становится источником словопорождения, вербального оформления будущей фраземы» [12]. Этим объясняется интерес многих исследователей фразеологии к компонентному составу данных языковых единиц: если возникновение фразеологизма с его значением является результатом поиска говорящим оптимальной словесной оболочки для обозначения некоей внеязыковой сущности, то возникает вопрос, почему именно тот или иной словесный комплекс, включающий лексические единицы из определенных семантических групп, кажется говорящему наиболее подходящим для реализации его коммуникативного намерения. Здесь уместно вспомнить, что, по мнению исследователей фразеологии, создание и использование фразеологических единиц в речи обусловлено в большей степени их прагматической, чем номинативной функцией. Н.Ф. Алефиренко, говоря о коммуникативно-прагматическом назначении фразем, отмечает, что «они, как правило, используются не для наименования предмета или явления, а для выражения оценочно-смыслового отношения к нему» [1, С. 25]. Д.О. Добровольский и Ю.Н. Караулов также видят задачу фразеологизмов не в том, чтобы «приписывать фрагментам мира тонко дифференцированные характеристики...», а в том, чтобы выразить субъективный, эмоционально-оценочный взгляд на мир» [7, С. 8]. Очевидно, что в семантической структуре приобретающих статус идиомы словосочетаний оптимальным образом сочетаются денотативное (предметно-понятийное) ядро и коннотативный макрокомпонент, причем источником возникновения последнего является внутренняя форма. О.А. Кознова метафорически обозначает данную категорию как «когнитивно-дискурсивную колыбель» фразеологической единицы, подчеркивая ее ключевую роль в дальнейшем развитии и функционировании идиомы в устном носителей языка [12].

Обсуждение

При изучении фразеогенезиса и фразеосемиозиса исследователи фразеологии часто поднимают вопрос о возможности оценить роль отдельных компонентов в этом процессе. О.А. Кознова считает, что «специфика внутренней формы фразем напрямую зависит от соотношения семантики фраземообразующих компонентов с обобщенно-целостным значением соответствующей единицы» [13, С. 55]. Аналогичного мнения придерживается О.Н. Волобуева: «Любая фразеологическая единица характеризуется тем, что новое значение, появляющееся в результате взаимодействия компонентов словосочетания, основано на образе, возникающем в результате либо переосмысления одного из компонентов, либо их взаимодействия» [5, С. 103]. Тем не менее следует отметить, что вопрос о роли отдельных компонентов в формировании фразеологического значения остается дискуссионным. А.Д. Райхштейн, использовавший метод семантического моделирования для сопоставительного анализа немецких и русских фразеологических единиц, считает, что установление компонентного семантического инварианта ряда фразеологических единиц, содержащих компоненты одной тематической группы, может быть интересно и важно для описания образной организации фразеологического состава языков [15, С. 64]. В то же время исследователь отмечает, что «совокупное фразеологическое значение часто вообще не выводится из значений отдельных компонентов и не имеет общих с последними дифференциальных сем» и что гораздо более значимым является совокупный ситуационный смысл переменного словесного комплекса. Именно он, по мнению ученого, должен рассматриваться как «семантический инвариант на уровне исходного, прямого значения всего комплекса, непосредственно лежащий в основе типового фразеологического значения группы фразеологических единиц» [15, С. 64-65]. Н.Ф. Алефиренко для описания процесса фразеобразования вводит понятие фраземопорождающего концепта, понимая под ним дискурсивно-модусный концепт, формирующийся в процессе интерпретации коммуникативного события, подлежащего идиоматическому семиозису. Этот концепт, по мысли ученого, лежит в основе метонимического и метафорического способов фразеобразования [1, С. 29].

Придерживаясь в целом бесспорного мнения о семантической цельности и неделимости фразеологического значения, многие исследователи, тем не менее, считают, что было бы не совсем верным отказываться от рассмотрения роли отдельных компонентов исходного словосочетания в формировании семантики возникшего на его основе устойчивого словесного комплекса. По мнению В.П. Жукова, нельзя не заметить, что «в процессе фразеологизации не все словесные свойства компонентов равномерно и без остатка поглощаются общим значением фразеологизма: ... многие компоненты в составе фразеологизма являются семантически доминирующими, оказываются смысловым центром и т.п.» [9, С. 12]. А.В. Жуков, продолжая эту мысль, отмечает обоснованность выбора в акте фразеобразования из всех возможных вариантов только одного: «Именно в суммарном смысловом содержании исходного словосочетания, а также в семантике самих слов-компонентов объективно присутствуют такие элементы значения, которые могут послужить основой для метафорического или иного переосмысления и преобразования» [8, С. 12].

А.А. Дариков также считает нелогичным «отрицать наличие референтной связи фразеологического образа с тем, что обозначают его компоненты вне рамок устойчивого оборота» [6, С. 317]. Он приводит в качестве примера фразеологические сочетания со слабой степенью идиоматичности (например, «ложка меда в бочке дегтя»), в которых «ярко проявляется зависимость внутренней формы фразеологизма с тем, какой семантикой обладают эти же компоненты, но в функции отдельной номинативной единицы» [6, С. 318]. Кроме того, исследователь обосновывает внимание к роли компонента фразеологизма в формировании образа и актуального значения тем, что «синтаксическое следование составляющих оборота закладывается не сиюминутным выбором участника коммуникации, а социально-бытовыми и историко-политическими реалиями этноса на протяжении времени» [6, С. 317].

Особенно пристальное внимание к компонентному составу фразеологических единиц проявляется при проведении исследований, выполняемых в русле лингвокультурологии, в которой большое значение придается культурному контексту. Так, М.Л. Ковшова считает языковое значение фразеологизма неотделимым от его культурного значения, подчеркивая, что оно является «не столько производным от того или иного события, образно описанного в языковом знаке, сколько порождением самой культуры, требованием запечатлеть ценностно значимые смыслы для их трансляции в виде экспрессивных знаков языка, всегда ярко и действенно выражающих оценочность и вызывающих эмоциональное отношение к происходящему» [11, С. 99]. Если исходить из понимания образа как когнитивной сферы, содержащей «в свернутом виде опыт взаимодействия человека с окружающим миром» [2, С. 25], то очевидно, что способ такого взаимодействия напрямую связан с географическими, историческими, социально-культурными условиями жизни народа. Как отмечает М.Л. Ковшова, «на этом основании в образы фразеологизмов «падают» те вещи, явления, исторические события, названия природных реалий, животных, растений, имена людей и т.п., которые характерны для жизни данного народа» [11, С. 90]. Неудивительно, что при изучении фразеобразовательной активности лексем, представляющих собой наименования упомянутых реалий, исследователи неизменно опираются на культурный контекст, «подпитывающий» их фразеобразующий потенциал.

Основные результаты

Объектом нашего исследования являются фразеологические единицы немецкого языка, компонентами которых являются наименования орудий труда. Интерес именно к этой семантической группе обусловлен той ролью, которую играют именуемые данными лексемами предметы в жизни отдельного человека, а также человечества в целом. Принимая во внимание известное утверждение Ф. Энгельса о том, что труд сделал из обезьяны человека, не будет большой ошибкой утверждать, что орудия труда являются одними из важнейших артефактов культуры. Самые первые, древнейшие орудия труда первобытного человека, заняв свое место в музеях, обрели вторую жизнь как элементы духовной культуры. И сегодня орудия труда сопровождают человека на протяжении всей его жизни, являясь неотъемлемой частью его бытовой, сельскохозяйственной, ремесленной, производственной и других видов деятельности. Не случайно Е.А. Белов, рассматривая проблему классификации культурных артефактов, относит инструменты к предметам первого порядка (первичным артефактам) [3, С. 44]. Этнографы и культурологи, в свою очередь, подчеркивают их большое значение в обрядовой семиосфере: «Орудия труда, как и вообще изделия рук человеческих, отличаются и от бытовых предметов, и от природных объектов: в этих артефактах человек выражает свои практические цели ... Одновременно он наделяет созданные орудия труда и предметы быта культурными характеристиками» [14, С. 131].

Методом сплошной выборки нами было отобрано 100 фразеологических единиц немецкого языка, содержащих наименования данных предметов. Для отбора практического материала использовались «Немецко-русский фразеологический словарь» (составитель Л.Э. Бинович) и «Lexikon der sprichwörtlichen Redensarten» (составитель Лутц Рёрих). В общей сложности отобранные фразеологизмы содержат 22 наименования орудий труда. Таким образом, средняя продуктивность одной лексемы со значением «орудие труда» составляет 4–5 фразеологизмов. 3 из них (*der Fleischwolf* «мясорубка», *die Harke* «грабли», *der Pott* «горшок») встречаются лишь в одной фразеологической единице, наибольшей фразеобразующей активностью характеризуются лексемы *der Besen* «метла» и *die Pfanne* «сковорода», образуя порядка 10 фразеологических единиц каждая. Представляется, что наименования орудий труда и являются теми самыми элементами национально-культурного плана, входящими во внутреннюю форму идиом, о которых говорит Л.А. Ковалевская [10, С. 4]. Поэтому для описания их фразеобразующего потенциала необходимо рассмотреть семантические особенности фразеологических единиц и соотнести их с семантикой мотивирующих компонентов — орудий труда. Анализ семантики отобранных идиом показал следующее.

1) Внутренняя форма 65 фразеологических единиц связана с прямым назначением орудий труда, наименование которых входит в их компонентный состав, то есть с тем действием, которое выполняется с их помощью. Фразеологическое значение абсолютного большинства из них (63 единицы) является результатом метафорической трансформации исходного переменного словосочетания. Рассмотрим несколько примеров. Внутренняя форма фразеологизма *die Angel auswerfen (nach etwas)* «закинуть удочку (насчет чего-либо)» соотносится с образом рыбака, забрасывающего удочку в реку, чтобы поймать рыбу. При образовании данного фразеологизма произошел перенос представления о предметном действии (т.е. действии с использованием определенного инструмента) в коммуникативную сферу: попытка предварительно получить информацию о чем-либо или намекнуть на что-либо с целью получения какого-то результата уподобляется действиям человека, ловящего рыбу. Фразеологизм *etwas mit der heißen Nadel nähen* (букв. «шить что-либо горячей иглой») означает «делать что-то наспех и поэтому плохо, поверхностно», его внутренняя форма подразумевает образ человека, который не может качественно выполнять работу из-за ненадлежащего состояния инструмента: горячей иглой было бы трудно шить хорошо, так как ее больно держать.

Примечательно, что целый ряд исследуемых фразеологических единиц содержит не только имя существительное, называющее орудие труда, но и имя прилагательное, характеризующее его. Н.Ф. Алефиренко полагает, что такие атрибутивные компоненты зачастую выполняют основную смыслообразующую функцию, поскольку порождаемые ими переносные смыслы являются причиной семантического преобразования именной лексемы [1, С. 27]. Так, фразеологическое значение идиомы *mit goldenen Netzen fischen* (букв. «ловить рыбу золотыми сетями»), означающей «вкладывать больше, чем получать», базируется на представлении об использовании золотого, то есть слишком дорогого средства для достижения не очень значительного результата. Метафорический эпитет «золотой» является тем элементом, который в сочетании с наименованием орудия труда «сеть» формирует мотивировочный признак «слишком дорогой инструмент», выражая идею несоизмеримости средства и результата, лежащую в основе данной идиомы.

2) В гораздо более редких случаях фразеологизм возникает на основе метонимического переноса. Среди отобранных нами идиом было обнаружено 2 таких единицы, в которых и само наименование орудия труда выступает

не в основном значении. В обоих случаях речь идет о фразеологических единицах, содержащих лексему *der Hammer* в значении «молоток аукциониста». Фразеологизмы *etwas unter den Hammer bringen* «пустить с молотка» и *unter den Hammer kommen* «пойти с молотка» ассоциируются с проведением аукциона, во время которого удар аукциониста специальным молотком сигнализирует о том, что выставленная на аукцион вещь продана. Соответственно в обоих рассматриваемых фразеологизмах их семантический центр — лексема *der Hammer* — метонимически соотносится с выполняемым во время аукциона действием, то есть продажей лота.

3) Актуальное значение 10 фразеологизмов, в состав которых входит наименование орудия труда, связано с ситуацией, в которой данный инструмент используется не по основному назначению либо для выполнения действий, для которых он совсем не подходит. Так, интересным примером является идиоматическое выражение *unter dem Besen vertraut* (букв. «венчанные под метлой»), используемое в отношении мужчины и женщины, которые живут как супруги, не будучи женатыми. Поскольку метла не является предметом, предназначенным для проведения таинства венчания, в данном случае она выступает как символ невыполненного действия, то есть указывает на то, что над парой не был совершен обряд, позволяющий считать их действительно мужем и женой.

Наконец, 25 фразеологических единиц представляют собой идиомы, фразеологическое значение которых мотивировано не прямой функцией соответствующих орудий труда, а какими-либо иными их характеристиками, особенностями. Так, в ряде случаев мотивирующим признаком является тот факт, что предметы состоят из нескольких частей: у топора есть топориче, у метлы — черенок, к горшку (кастрюле) прилагается крышка. Например, фразеологизм *der Axt einen Stiel suchen (finden)* (букв. «искать (найти) топориче для топора») означает «искать средство, способ привести в действие что-либо». Пониманию его фразеологического значения способствует практический опыт, подсказывающий, что топор невозможно использовать без подходящего топориче. В некоторых случаях решающую роль при формировании фразеологического значения играют определенные свойства орудий труда. Известная идиома *eine Nadel in einem Neuhaufen suchen*, имеющая полный эквивалент в русском языке «искать иголку в стоге сена», используется для выражения сложности выполнения определенного действия благодаря малому размеру иглы, а не ее функции швейного инструмента. Для внутренней формы устойчивого сравнения *das Gedächtnis wie ein Sieb haben* (букв. «иметь память как решето») существенным признаком является форма решета, рабочая часть которого представляет собой мелкую сетку: сквозь «дырявую» память все проходит, как через решето. Такого рода фразеологические единицы подтверждают известное мнение о том, что в процессе номинации мотивировочный признак зачастую выбирается произвольно. Использование словесных комплексов, содержащих в своем составе наименование орудия труда, для экспрессивного обозначения некоего фрагмента действительности обусловлено в многих случаях их распространенностью и доступностью, постоянным присутствием в жизни человека: говорящий использует то, что в буквальном смысле находится под рукой. В то же время, как было показано ранее, для большей части фразеологизмов существенным, в определенной мере смыслообразующим признаком является «инструментальность», входящая в качестве дифференцирующей семы в структуру фразеологического значения.

Заключение

Таким образом, лексические единицы, относящиеся к семантической группе «орудия труда», обладают в немецком языке значительным фразеобразующим потенциалом, который обусловлен функциональными характеристиками их денотатов. Они являются неотъемлемым и значимым компонентом в составе переменных словесных комплексов, претерпевающих семантическую трансформацию метафорического либо метонимического типа. Семантическая структура наименований орудий труда включает в себя ряд отражающих существенные свойства данных предметов сем, которые способны, не нарушая семантической цельности фразеологической единицы и целостности образа как источника их внутренней формы, принимать на себя роль мотивировочных признаков.

Анализ семантики содержащих данные лексемы фразеологических единиц позволил выделить несколько групп фразеологизмов в зависимости от особенностей актуализации семантики фразеобразующего компонента «орудие труда» во фразеологическом значении. В абсолютном большинстве исследуемых идиом (75%), реализующих в качестве переменного словесного комплекса инвариантное значение «действие, выполняемое с помощью инструмента», компонент актуализирует признак исходного значения «использование инструмента по основному назначению/не по основному назначению/не по назначению». То есть можно утверждать, что архисема «инструмент» представляет собой основу внутренней формы данных фразеологизмов. При этом в 97% случаев фразеологическое значение формируется путем метафорического переноса, и лишь 3% исследуемых фразеологических единиц являются результатом метонимической трансформации исходного переменного словосочетания. В то же время в ряде случаев (25%) в формировании образной основы фразеологизма значительную роль играют иные характеристики орудий труда, например, состав, размер, форма.

В целом проведенное исследование показало, что лексические единицы из семантической группы «орудия труда» обладают значительным фразеобразующим потенциалом, который они реализуют благодаря многообразию характерных признаков и социально-культурной значимости обозначаемых денотатов.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Сообщество рецензентов журнала Russian Linguistic Bulletin.

DOI: <https://doi.org/10.60797/RULB.2026.78.8.1>

Conflict of Interest

None declared.

Review

Community of Reviewers of the Russian Linguistic Bulletin.

DOI: <https://doi.org/10.60797/RULB.2026.78.8.1>

Список литературы / References

1. Алефиренко Н.Ф. Фразеологизм как репрезентант дискурсивно-модусного концепта / Н.Ф. Алефиренко; под ред. О.И. Авдеевой // *Общая и русская фразеология: из прошлого в будущее : материалы Международной научно-практической конференции, посвященной памяти доктора филологических наук, профессора Валентина Ильича Зимина.* — Москва : МПГУ, 2022. — С. 22–29.
2. Баранов А.Н. Принципы семантического описания фразеологии / А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский // *Вопросы языкознания.* — 2009. — № 6. — С. 21–34.
3. Белов Е.А. Проблема классификации культурных артефактов / Е.А. Белов // *Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств.* — 2014. — № 1 (37). — С. 43–45.
4. Бинович Л.Э. *Немецко-русский фразеологический словарь* / Л.Э. Бинович. — Москва : Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1956. — 904 с.
5. Волобуева Е.Н. Семантическая мотивированность и ее роль в формировании образного потенциала фразеологизма / Е.Н. Волобуева // *Известия Волгоградского государственного педагогического университета.* — 2010. — № 5 (49). — С. 103–106.
6. Дариков А.А. Роль компонентного состава в формировании семантики фразеологизма / А.А. Дариков // *Филологические науки. Вопросы теории и практики.* — 2019. — № 12. — С. 317–321.
7. Добровольский Д.О. Идиоматика в тезаурусе языковой личности / Д.О. Добровольский, Ю.Н. Караулов // *Вопросы языкознания.* — 1993. — № 2. — С. 5–15.
8. Жуков А.В. О мотивировке и выводимости фразеологизмов / А.В. Жуков // *Мир русского слова.* — 2013. — № 2. — С. 9–13.
9. Жуков А.В. *Русская фразеология* / А.В. Жуков, В.П. Жуков. — Москва : Высшая школа, 2006. — 408 с.
10. Ковалевская Л.А. Внутренняя форма как источник семантической мотивации и культурной коннотации фразеологизмов русского языка : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Л.А. Ковалевская. — Великий Новгород, 2026. — 232 с.
11. Ковшова М.Л. Культурно-национальная специфика фразеологизмов и вопросы экспликации их культурных смыслов / М.Л. Ковшова // *Вопросы психолингвистики.* — 2016. — № 4 (30). — С. 90–102.
12. Кознова О.А. Теория языка и межкультурная коммуникация / О.А. Кознова // *Фразеосемиозис: от внутренней формы к фразеологическому значению.* — 2019. — № 3. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/frazeosemiozis-ot-vnutrenney-formy-k-frazeologicheskomu-znacheniyu> (дата обращения: 31.03.2026).
13. Кознова О.А. Когнитивная природа внутренней формы в фокусе проблем фразеосемантики / О.А. Кознова // *Вестник Вятского государственного университета.* — 2017. — № 4. — С. 53–56.
14. Подюков И.А. Символика орудий крестьянского труда в народной культуре Пермского края / И.А. Подюков // *Труды Камской археолого-этнографической экспедиции.* — 2019. — № 15. — С. 129–135.
15. Райхштейн А.Д. Сопоставительный анализ немецкой и русской фразеологии / А.Д. Райхштейн. — Москва : Высшая школа, 1980. — 143 с.
16. Röhrich Lutz. *Lexikon der sprichwörtlichen Redensarten: in 5 Bänden* / Lutz Röhrich. — Freiburg; Basel; Wien : Verlag Herder, 1991. — 1910 S.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Alefirenko N.F. Frazeologizm kak reprezentant diskursivno-modusnogo kontseptu [The idiom as a representative of a discursive-modal concept] / N.F. Alefirenko; edited by O.I. Avdeeva // *Obshchaya i russkaya frazeologiya: iz proshlogo v budushchee* [General and Russian Phraseology: From the Past to the Future] : proceedings of the International Academic and Practical Conference in memory of Dr Valentin Ilyich Zimin, Professor of Philology, Moscow, 26 November 2021. — Moscow : MPGU, 2022. — P. 22–29. [in Russian]
2. Baranov A.N. Printsipi semanticheskogo opisaniya frazeologii [Principles of the semantic description of phraseology] / A.N. Baranov, D.O. Dobrovolsky // *Voprosi yazikoznaniya* [Issues of Linguistics]. — 2009. — № 6. — P. 21–34. [in Russian]
3. Belov E.A. Problema klassifikatsii kulturnikh artefaktov [The problem of classifying cultural artefacts] / E.A. Belov // *Vestnik Chelyabinskoi gosudarstvennoi akademii kulturni i iskusstv* [Bulletin of the Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts]. — 2014. — № 1 (37). — P. 43–45. [in Russian]
4. Binovich L.E. Nemetsko-russkii frazeologicheskii slovar [German-Russian Dictionary of Idioms] / L.E. Binovich. — Moscow : Gosudarstvennoe izdatelstvo inostrannikh i natsionalnikh slovarei, 1956. — 904 p. [in Russian]
5. Volobueva E.N. Semanticheskaya motivirovannost i yee rol v formirovanii obraznogo potentsiala frazeologizma [Semantic motivation and its role in shaping the figurative potential of idioms] / E.N. Volobueva // *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Proceedings of Volgograd State Pedagogical University]. — 2010. — № 5 (49). — P. 103–106. [in Russian]
6. Darikov A.A. Rol komponentnogo sostava v formirovanii semantiki frazeologizma [The role of component composition in shaping the semantics of an idiom] / A.A. Darikov // *Filologicheskie nauki. Voprosi teorii i praktiki* [Philological Sciences. Issues in Theory and Practice]. — 2019. — № 12. — P. 317–321. [in Russian]
7. Dobrovolsky D.O. Idiomatika v tezauruse yazikovoi lichnosti [Idioms in the thesaurus of linguistic personality] / D.O. Dobrovolsky, Yu.N. Karaulov // *Voprosi yazikoznaniya* [Issues of Linguistics]. — 1993. — № 2. — P. 5–15. [in Russian]
8. Zhukov A.V. O motivirovke i vivodimosti frazeologizmov [On the motivation and derivability of idioms] / A.V. Zhukov // *Mir russkogo slova* [The World of the Russian Word]. — 2013. — № 2. — P. 9–13. [in Russian]
9. Zhukov A.V. *Russkaya frazeologiya* [Russian Phraseology] / A.V. Zhukov, V.P. Zhukov. — Moscow : Visshaya shkola, 2006. — 408 p. [in Russian]

10. Kovalevskaya L.A. Vnutrennyaya forma kak istochnik semanticheskoi motivatsii i kulturnoi konnotatsii frazeologizmov russkogo yazika [Internal form as a source of semantic motivation and cultural connotation in Russian idioms] : dis. ... of PhD in Philology : 10.02.01 / L.A. Kovalevskaya. — Veliky Novgorod, 2026. — 232 p. [in Russian]
11. Kovshova M.L. Kulturno-natsionalnaya spetsifika frazeologizmov i voprosi eksplikatsii ikh kulturnikh smislov [The cultural and national specificity of idioms and issues surrounding the explanation of their cultural meanings] / M.L. Kovshova // Voprosi psikholingvistiki [Issues of Psycholinguistics]. — 2016. — № 4 (30). — P. 90–102. [in Russian]
12. Koznova O.A. Teoriya yazika i mezhkulturnaya kommunikatsiya [Theory of Language and Intercultural Communication] / O.A. Koznova // Phraseosemiotics: from internal form to idiomatic meaning. — 2019. — № 3. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/frazeosemiozis-ot-vnutrenney-formy-k-frazeologicheskomu-znacheniyu> (accessed: 31.03.2026). [in Russian]
13. Koznova O.A. Kognitivnaya priroda vnutrennei formi v fokuse problem frazeosemantiki [The cognitive nature of internal form in the context of phrase semantics] / O.A. Koznova // Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Vyatka State University]. — 2017. — № 4. — P. 53–56. [in Russian]
14. Podyukov I.A. Simvolika orudii krestyanskogo truda v narodnoi kulture Permskogo kraia [The Symbolism of Peasant Tools in the Folk Culture of Perm Krai] / I.A. Podyukov // Trudi Kamskoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii [Proceedings of the Kama Archaeological and Ethnographic Expedition]. — 2019. — № 15. — P. 129–135. [in Russian]
15. Raikhshtein A.D. Sopostavitel'nyi analiz nemetskoi i russkoi frazeologii [A comparative analysis of German and Russian phraseology] / A.D. Raikhshtein. — Moscow : Visshaya shkola, 1980. — 143 p. [in Russian]
16. Röhrich Lutz. Lexikon der sprichwörtlichen Redensarten [Dictionary of Proverbs and Sayings] : in 5 vol. / Lutz Röhrich. — Freiburg; Basel; Vienna : Herder Publishing House, 1991. — 1910 p. [in German]